

Кара Мин



Свёкор и его друг
(Не) буду вашей!

18+

Кара Мин

**Свёкор и его друг.
(Не) буду вашей!**

«Автор»

2026

Мин К.

Свёкор и его друг. (Не) буду вашей! / К. Мин — «Автор», 2026

Мой муж — слабак и лжец. Я терпела его измены и делала вид, что всё в порядке. Но его отец и его друг смотрели на меня иначе. Они переглядывались за моей спиной. Они ждали. А потом они закрыли дверь на замок и провели урок. Они думали, что получают игрушку. Они не знали, с кем связались.

© Мин К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Г	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Кара Мин

Свёкор и его друг. (Не) буду вашей!

Глава 1

Особняк Виктора Андреевича сиял янтарным светом, и этот свет казался Алисе фальшивым. Три года назад она вошла в этот дом невестой — трепещущей, с букетом пионов, которые пахли так сладко, что кружилась голова. Сегодня пионы стояли в тех же вазах, но их запах казался ей запахом разложения.

Она стояла у окна, держа шампанское, и рассматривала гостей, как рассматривают декорации к скучной пьесе. Трехлетие свадьбы отмечали с размахом, достойным наследника империи. Даниил сиял, принимая поздравления, его светлые волосы были уложены гелем, а улыбка — та самая улыбка, которая когда-то показалась ей искренней, — теперь выглядела как приклеенная.

— Дорогая, ты почему здесь прячешься? — его голос прозвучал неожиданно близко.

Алиса обернулась. Муж смотрел на нее с легким раздражением, которое он даже не пытался скрыть.

— Ты же знаешь, отец терпеть не может, когда ты стоишь в углу, как бедная родственница. Будь добра, улыбайся.

— Я улыбаюсь, Даниил.

— Нет. Ты скалишься. — Он выхватил бокал из ее пальцев и сделал жадный глоток. От него уже пахло коньяком пополам с одеколоном. — Постарайся ради одного вечера. Для отца это важно.

“Для отца”, — повторила про себя Алиса. Не для нее, не для их брака. Для его отца.

Даниил растворился в толпе гостей, а она снова повернулась к окну, пытаясь отыскать в темном стекле хотя бы отблеск той девушки, которой она была до свадьбы. Но стекло показывало только красивую, дорого одетую куклу с усталыми глазами. Платье цвета слоновой кости, которое ей прислали сегодня утром — разумеется, без права выбора, — сидело идеально. Виктор всегда знал, что ей подходит.

Виктор.

Свекор.

Она даже мысленно не могла называть его иначе. Никаких фальшивых семейных нежностей. Он был слишком... цельным для такого слова. Слишком опасным.

— Алиса.

Она вздрогнула, услышав голос, который словно читал ее мысли.

Виктор Андреевич стоял в трех шагах от нее, и гости вокруг немедленно расступились, образовав почтительный вакуум. Высокий, широкоплечий, в черном костюме, который сидел на нем как броня. Сорок восемь лет, но выглядел он так, словно время не старило его, а шлифовало, стирая все лишнее, оставляя только сухую, хищную суть.

Рядом с ним стоял другой человек.

Алиса заметила его не сразу, и это было странно, потому что незнакомец — нет, не незнакомец, она слышала о нем — обладал внешностью, которая привлекала внимание. Артур Валентинович, деловой партнер и ближайший друг семьи. Чуть старше Виктора, серебряные виски, глаза цвета мокрого асфальта. В отличие от резкого, рубленого Виктора, он был плавным, текучим, опасным иначе — как удавка из дорогого шелка.

— Вы прекрасны сегодня, — произнес Артур, и его голос скользнул по ней, как прикосновение. — Я наслышан. Но то, что я слышал, не передает и малой доли.

Алиса сглотнула и заставила себя улыбнуться.

— Благодарю. Вы очень добры.

— Я не добр, — Артур улыбнулся уголками губ, и в этой улыбке не было тепла. — Я наблюдателен. Доброта — удел слабых, а я, к сожалению, лишен этого недостатка.

Виктор стоял молча, но его молчание давило сильнее любых слов. Он рассматривал ее, и в этом рассматривании не было ничего. Мужской, пристальный, голодный взгляд, который она чувствовала кожей.

— Твой муж пьян, — сказал он наконец.

Это был не вопрос.

— Я заметила, — тихо ответила Алиса.

— Он слаб. Слабый мужчина не способен удержать женщину. — Виктор взял бокал с подноса у проходящего мимо официанта и подал ей. — Ты сохнешь рядом с ним, Алиса. Как растение без воды.

Его пальцы коснулись ее запястья, когда она принимала бокал. Прикосновение длилось долю секунды, но его хватило, чтобы по телу пробежала странная дрожь — не от холода, не от страха. От чего-то другого, чему она не хотела давать названия.

— Прошу прощения, мне нужно к гостям, — проговорила она и отошла, стараясь, чтобы спина оставалась прямой.

Она чувствовала их взгляды. Два взгляда, которые жгли ее лопатки, пока она пересекала гостиную.

У камина она остановилась, делая вид, что поправляет браслет, и рискнула обернуться.

Мужчины стояли там же. Они говорили — спокойно, неторопливо, и ветер от распахнутой террасной двери доносил до нее обрывки фраз.

— ...три года, Виктор. Три года она терпит твоего щенка. Это уже не терпение, это патология, — голос Артура звучал лениво, словно он обсуждал скаковую лошадь.

— Она не терпит. Она ждет, — ответил Виктор, и в его тоне Алисе послышалось что-то похожее на собственничество.

— Чего?

— Настоящего мужчину.

Артур рассмеялся негромким, сухим смехом.

— Порода, но не обьезжена. Смотри, как держит спину. Такую сломать — особое удовольствие.

Алиса застыла. Бокал в ее пальцах дрогнул, пролив каплю шампанского на мраморный пол.

Они говорили о ней. О ней. Как о вещи, как о породистой кобыле, которую предстоит укротить.

Она хотела немедленно уйти в спальню, запереться, смыть с себя этот вечер и эти взгляды. Но годы брака с Даниилом научили ее одному: хищники бросаются на того, кто бежит. Поэтому она осталась, заставляя себя дышать ровно и смотреть в огонь.

— Алиса!

Голос Даниила ворвался в ее мысли, как фальшивая нота. Муж подошел, пошатываясь.

— Отец сказал, ты опять прячешься. — Он схватил ее за локоть чуть выше, чем следовало, и потянул к гостям. — Идем, идем. Будь женой, а не тенью.

— Мне нужно подышать, Даниил.

— Подышишь позже.

Она позволила увести себя в центр зала под осуждающие и сочувствующие взгляды. Даниил что-то говорил, смеялся, его ладонь была липкой и горячей на ее талии. Кто-то фотографировал, кто-то поднимал тосты за их «вечную любовь», и каждое слово отдавалось в ней звоном разбитого стекла.

Вечер тянулся бесконечно. Алиса танцевала с кем положено, улыбалась кому положено, принимала комплименты, похожие на пустые конфетные обертки.

А потом она вышла в коридор, ведущий к зимнему саду, чтобы наконец перевести дух. И столкнулась с Артуром.

Он появился из полумрака бесшумно, как хищник, который терпеливо ждал в засаде.

— Вы избегаете меня, Алиса. Это неразумно.

— Я не избегаю. Я устала. Пропустите меня.

Она попыталась обойти его, но он перегородил путь рукой, опершись ладонью о стену прямо возле ее головы.

— Виктор прав, — произнес он, и его глаза изучали ее лицо так пристально, словно он читал книгу, которую давно хотел прочесть. — Вы чахнете. Мой друг умеет возвращать женщинам вкус жизни. И я умею.

Он протянул руку и заправил ей за ухо выбившуюся прядь волос. Жест был интимным, почти нежным, но от него веяло такой ледяной властью, что Алиса отшатнулась.

— Что вы себе позволяете?!

— Пока ничего, — спокойно ответил Артур. — Но позволю. Со временем.

Она рванулась в сторону и почти бегом бросилась по коридору, не разбирая дороги. Сердце колотилось бешено.

Она остановилась у лестницы, пытаясь отдышаться, и подняла глаза.

На балконе второго этажа стоял Виктор.

Он не смотрел на гостей, не пил шампанское, не разговаривал по телефону. Он стоял неподвижно, опершись руками о перила, и смотрел вниз. На нее. На коридор, из которого она только что выбежала. На Артура, который не спеша вышел следом и теперь поправлял запонки с таким видом, словно ничего не произошло.

Мужчины встретились взглядами.

Виктор едва заметно кивнул.

Артур ответил таким же скупым, почти незаметным движением.

И Алиса поняла. Не умом — инстинктом, тем самым древним, животным чутьем, которое просыпается, когда добыча чувствует запах волков.

Охота началась.

Она стояла внизу, между ними, и холодный мрамор лестницы под ее ладонями был теплее, чем взгляды двух мужчин, которые смотрели на нее с двух сторон. Снизу и сверху. Из тени и со света.

И впервые за три года брака Алиса почувствовала не скуку. Не грусть. Не раздражение.

Страх.

Густой, вязкий и — вот в чем был ужас — волнующий.

Глава 2

Прошло три дня.

Алиса почти убедила себя, что ничего не случилось. Ну, посмотрели. Ну, сказали пару скользких фраз. Она взрослая женщина, в конце концов, а не институтка, чтобы падать в обморок от мужского внимания. К тому же Виктор уехал в командировку на следующий же день после приема, и особняк опустел. Даниил, как обычно, пропадал в офисе — по крайней мере, он так говорил. Алиса больше не проверяла.

Артур, правда, прислал букет. Огромный, вызывающе алый, без единой записки. Горничная поставила его в холле, и Алиса три дня проходила мимо, чувствуя, как цветы смотрят на нее, точно безмолвные свидетели ее смятения.

На четвертый день телефон зазвонил.

— Алиса Дмитриевна? Это Артур Валентинович. Узнали?

Она узнала. Этот голос нельзя было забыть — он обволакивал, как теплая вода, в которой вот-вот захлебнешься.

— Чем обязана?

— Прямотой. Мне она нравится. — В трубке послышался невеселый смешок. — Мне нужно с вами поговорить. О вашем муже.

Сердце Алисы пропустило удар.

— О Данииле? Почему вы? Почему не Виктор Андреевич?

— Потому что Виктор в командировке. А дело не терпит. И... скажем так, я тот, кто умеет показывать людям правду, не приправляя ее сантиментами. Приезжайте. Галерея «Артемида», Мясницкая, шесть. Сегодня в три. Я буду ждать.

Гудки.

Алиса стояла посреди спальни с телефоном в руке и чувствовала, как внутри стремительно зреет решение. Не идти? Остаться в блаженном неведении? Она слишком долго жила в нем. И оно душило ее не хуже удавки.

Ровно в три она вышла из такси у трехэтажного особняка с тонированными окнами. Галерея «Артемида» — частная территория Артура, место, куда пускали только избранных. Сегодня избранной была она.

Охранник провел ее через анфиладу пустых залов, залитых холодным светом. На стенах висели полотна, которые она не успевала разглядеть, — только смазанные пятна боли и плоти, потому что Артур, судя по всему, коллекционировал современный гиперреализм на грани фола.

Он ждал ее в последнем зале — небольшом, круглом, без окон. Стоял спиной ко входу, рассматривая огромное полотно: обнаженная женщина, лежащая на черном шелке, с лицом, искаженным то ли мукой, то ли еще чем-то. Не разберешь.

— Нравится? — спросил Артур, не оборачиваясь. — Это один художник. Он пишет только переходные состояния. Когда человек уже не там и еще не здесь. Вы сейчас примерно в таком же положении, Алиса.

— Я не картина, — сухо ответила она, оставаясь в проходе. — И не люблю, когда меня разглядывают.

Артур повернулся. Сегодня он был без пиджака — черная рубашка с закатанными рукавами, открывавшая жилистые руки. Серебряные виски блеснули в свете ламп.

— Любите. Просто еще не знаете об этом. Но я позвал вас не ради искусствоведческих бесед.

Он пересек зал и взял с круглого столика плотный конверт.

— Садитесь. Разговор будет долгим и неприятным. Но я обещаю: когда вы выйдете отсюда, вы перестанете быть той женщиной, которая вошла.

Алиса не села. Она стояла, вцепившись пальцами в ремешок сумки, пока он доставал из конверта фотографии.

— Ваш муж, Даниил Викторович, последние полтора года состоит в связи с некоей Кариной. Двадцать лет, манекенщица, никакого интеллекта, но весьма... изобретательна в постели.

Первый снимок лег на стол.

Алиса взглянула — и тут же отвернулась. Но было поздно. Изображение впечаталось в память: Даниил, её Даниил, тот самый, что целовал ее в лоб перед сном и называл «своей принцессой», стоял на коленях перед голой женщиной. Его лицо было таким, какого она никогда не видела. Униженным. Похотливым. Чужим.

— Зачем вы мне это показываете? — ее голос прозвучал глухо, будто сквозь вату.

— Чтобы вы поняли реальность, — спокойно сказал Артур, выкладывая второй снимок, третий, четвертый. Они ложились веером, как карты дьявольского пасьянса. Каждый — удар. Каждый — гвоздь в крышку ее брака. — Даниил — слабак. Он не просто изменяет вам. Он платит этой девице за унижения. Он не способен доминировать даже над продажной женщиной — он может только ползать перед ней. А дома он изображает мужа и наследника. Как думаете, сколько еще он продержится, прежде чем его вышвырнут из совета директоров? Виктор уже знает. И он брезгует.

Алиса смотрела на снимки, и мир вокруг нее сужался до размеров этого круглого зала. Фотографии были откровенными, жестокими, снятыми скрытой камерой. Кто-то следил за Даниилом. Кто-то собирал компромат.

— Кто это сделал? — спросила она внезапно охрипшим голосом. — Кто снимал?

Артур склонил голову к плечу, и на его губах заиграла та самая улыбка — улыбка удава.

— Я.

Тишина.

— Вы? Вы следили за моим мужем?

— Я слежу за многими, Алиса. Это часть моей работы. Но эти снимки я сделал не ради шантажа и не ради бизнеса. Я сделал их для вас.

Она отшатнулась от стола, как от прокаженного.

— Для меня?!

— Да. — Артур обошел стол и приблизился, но не вплотную — он умел играть с дистанцией. — Когда я впервые увидел вас на приеме, я понял: вы медленно гниете заживо с ним. Вы красивы, умны, в вас есть огонь, который ваш муж даже не пытался разжечь. Он тушил его. Три года. А теперь ответьте честно: когда вы в последний раз чувствовали себя женщиной?

Алиса молчала. Губы ее дрожали, и она ненавидела себя за эту слабость.

— Вот именно, — кивнул Артур. — А теперь посмотрите на правду. Ваш брак кончен. Не из-за меня. Не из-за этих снимков. Он был кончен с первого дня, потому что Даниил — пустышка, а вы — бриллиант, который он случайно получил и не знал, что с ним делать.

Он сделал еще шаг, и теперь его голос звучал тише, интимнее, опаснее.

— Теперь у вас два пути, Алиса. Первый: вы устраиваете скандал, разводитесь, получаете жалкие отступные и исчезаете. Возвращаетесь в свою прежнюю жизнь, в трехкомнатную квартиру на окраине, и до старости жалеете о том, что упустили шанс. Второй путь... — он протянул руку и кончиками пальцев коснулся ее подбородка, заставляя поднять голову и встретиться с ним взглядом. — Второй путь: вы принимаете покровительство настоящих мужчин. Меня и Виктора.

Алиса дернулась, но он удержал ее — мягко, но стально.

— Вы оба... — прошептала она. — Вас двое...

— Да, — просто сказал Артур. — Нас двое. Мы друзья четверть века. Мы делим всё: бизнес, риски, победы. И женщин. Да, Алиса, вы не ослышались. Мы привыкли получать то, что хотим. Вы — та женщина, которую мы хотим.

— Это... это бред, — она вырвалась наконец и попятилась к выходу. — Вы оба сумасшедшие. Вы старые, извращенцы...

— Старые, — перебил Артур, и в его голосе впервые мелькнула сталь. — Извращенцы. Возможно. Но живые. Настоящие. А вы три года спали с манекеном, который кончает только тогда, когда его унижают. Сравните.

Он указал на снимки, и Алиса, против воли, снова посмотрела на них. И тут же отвела взгляд, зажмурившись.

— Ненавижу вас, — выдохнула она.

— Это хорошее начало, — улыбнулся Артур. — Ненависть — то же чувство, что и страсть, только с другим знаком. Я умею менять знаки. И Виктор умеет.

Она схватила с ближайшего столика тяжелую стеклянную пепельницу и швырнула в стену рядом с ним. Пепельница разлетелась на осколки с оглушительным звоном.

Артур не шелохнулся. Только перевел взгляд с осколков на нее, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на восхищение.

— Ярость — это хорошо. Нам скучны овцы. Мы любим диких кошек. — Он шагнул к ней, хрустя осколками под дорожными туфлями, и остановился в полуметре. — Но запомните, Алиса. Вас будут учить послушанию двое. Не один. Двое. И когда мы закончим — а мы никогда не заканчиваем незаконченное, — вы будете благодарить нас за эти снимки. За то, что вытащили вас из склепа вашего брака. Идите. Думайте. Но не слишком долго — Виктор возвращается через пять дней, и он не так терпелив, как я.

Алиса вылетела из галереи, не помня, как миновала залы, как пробежала мимо охранника, как выскочила на улицу под моросящий дождь. Водитель такси ждал, и она плюхнулась на заднее сиденье, крикнув адрес особняка.

Машина тронулась.

Алиса смотрела в окно на серый город и пыталась дышать, но воздух застревал в горле комком. Перед глазами стояли снимки, но не они были самым страшным. Самым страшным было то, что последние слова Артура звучали в голове не как угроза, а как обещание. И где-то глубоко внутри, в том темном чулане, куда она годами запирала свои желания, что-то проснулось и жадно принялось к запаху опасности.

Она ехала в особняк Виктора. В дом, который никогда не был ее. В дом, где через пять дней ее встретят двое мужчин, решивших, что она — их добыча.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.